

кверху, да и все ево туловище со спеси надувалось, особливо когда титул ево упоминаем был.

Как оной посол к руке допущен был, то один из баяр громким голосом сказал: «Яковле, Иван Васильевич так над тобою умилосердился, что удостоил тебя руку свою целовать!». Во время обеда весь стол золотыми и серебряными блюдами и стопами так наполнен был, что ни на едину ладонь порозжаго места не было. И только Иван Васильевич с сыном своим из деревянных стаканов пил и деревянными лошками кушал. Также и ножи их были длиною в пол аршина. Протчия ж за столом сидящие все на золотой и серебряной посуде кушали. В протчем поступки ево за столом так подлы были, что посол засвидетельствует, что он ни у кого подлого за обедом такого безчинства и подлости || не нахаживал. Как посол другую к отъезду аудиенцию имел, то Иван Васильевич в малиновом бархатном платье одет был, которое платье равномерно великим множеством жемчюга и драгоценными камнями украшено было, а ворот золотом и жемчюгом вышит и унизан был наподобие того, как в древних временах дацкие знатные госпожи платье нашивали. Поверх ево шапки сияла золотая корона с нецененными камнями. В руках держал он золотое яблоко величиной в децкую голову, вокруг, в подобие звезд, драгоценными камнями украшенное. Подле его стоял золотой сосуд и чаша, в кою он иногда яблоко и шапку клал.

Во время слушания посолскаго доклада и чтения пунктов о союзе представлял он себя не так, как самодержавцу подлежит, но так, как человек, которой мысли свои обратил к другим делам, так что казалось будто бы одно ево тело, из которого душа и мысли в дальние страны || для новых предприятий отлучились, тут присудствовало. То призывал он сего или другога боярина к себе и с ним разговаривал, то милостивым и приятным видом възглядывал на Богдана Ивановича Бельскаго<sup>4</sup> и ему палцы свои, кои неизъчетными перстнями унизаны были, показывал, и неоднократно полу кафтанную подымал и золотые ножны осматривал и також лежащей подле ево золотой и драгоценными камнями украшенной жезл в руку брал. И сапоги ево застегнуты были бралиянтовыми пуговицами, по обеим сторонам стояло четверо детей боярских в белых бархатных платьях з золотыми цепочками застегнутые, кои в руках тапоры держали. Но после аудиенции, как он, так и бояре его сие богатое платье с себя сняли и другое похуже, однако богатое ж, платье надели.

Иван Васильевич был пригожей, токмо лютой и язвительной зверь, которой многих людей безчестным образом изорвал, пока, наконец, и сам нечаенной смерти в кохти попал.

л. 41 об.

27

Как нечаенно и скоропостижно он умер а том уже выше сего упомянуто. Тело по его желанию погребено в церкви архангела Михайла, к которому на некоторое время салдацкой караул приставлен был. При жизни своей велел он из Лифляндии привести надъгробной камень, которой уже и на дороге был. Но как скоро извошки о смерти его известие получили, то они тот камень в лесу, недалеко от деревни Коломны, бросили, где он и поныне еще лежит.

Конец.

(Рукописный отдел Саратовского гос. университета, собр. П. М. Мальцева, Р. 859)

<sup>4</sup> В ркп. около этого слова поставлена звездочка. Внизу страницы также поставлена звездочка и около нее написано в скобках (беднаго).